

Е. А.
БАРАТЫНСКИЙ

Избранное

Евгений Абрамович Баратынский

История кокетства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2898225

Аннотация

«Венера почитается матерью богини кокетства. Отцом ее называют и Меркурия, и Аполлона, и Марса, и даже Вулкана. Говорят, что, перед ее рождением, непостоянная Киприда была в равно короткой связи со всеми ими и, разрешившись от бремени, каждого поздравила на ухо счастливым отцом новорожденной богини...»

Евгений Абрамович Баратынский История кокетства

Венера почитается матерью богини кокетства. Отцом ее называют и Меркурия, и Аполлона, и Марса, и даже Вулкана. Говорят, что, перед ее рождением, непостоянная Киприда была в равно короткой связи со всеми ими и, разрешившись от бремени, каждого поздравила на ухо счастливым отцом новорожденной богини.

Малютка в самом деле с каждым имела некоторое сходство. Вообще была она подобием своей матери; но в глазах ее, несмотря на их нежность и томность, было что-то лукавое, принадлежащее Меркурию. Тонким вкусом и живым воображением казалась она обязанною Аполлону; Марсу нравились ее свободные движения, доказывающие, по словам его, что отец ее был человек военный; добрый же Вулкан не обнаруживал своих замечаний, но ласкал малютку с истинно родительскою нежностью.

Все они имели одинаков право принимать некоторое участие в будущей судьбе новой богини, с равным усердием старались о ее воспитании. Жители Олимпа удивлялись быстрым ее успехам и превозносили необыкновенные ее дарования. Одна Паллада усмехалась им подозрительно; да иногда

Амур поглядывал на молодую богиню с видом беспокойства и недоверчивости.

Многие недостатки были в ней заметны, особенно непомерное тщеславие. Она более любила выказывать свои знания, нежели любила самую науку; в угодительном ее общении с богами было более желания казаться любезною, нежели истинного благонравия. Ко всему имела она некоторое расположение, ни к чему настоящей склонности, и потому никем и ничем не могла заниматься долго. Непостоянство ее, может быть, происходило от ее генеалогии; но усовершенствовалось своевольным ее воспитанием. «Наставники ее недалновидны, – говорила иногда Паллада (которая кстати и некстати любила-таки похвастать своим глубокомыслием и мерною прозою произносить торжественный изречения), – наставники ее недалновидны: поверхностное обо всем понятие составит удивительный хаос в голове ее. Они стараются усовершенствовать ее дарования, образовать вкус и развить воображение; но некому просветить ее разума и наставить сердца. По-моему, она не доставит особенной чести Олимпу».

Давно уже достигнув совершеннолетия, пресытаясь однообразными похвалами богов ее остроумию, красоте и любезности, может быть, несколько завидуя грациям, помраченным ею сначала, но которым мало-помалу стали отдавать справедливость, – новая богиня упала к ногам Юпитера и выпросила себе дозволение переселиться на землю.

В последний день ее пребывания на Олимпе пригласила она богов на прощальное пиршество. Приветливость ее при угощении, соединенная с некоторою задумчивостию, тронула бессмертных: все оставили ее с некоторою грустию; правда, каждому из них дала она почувствовать, что одна разлука с ним заставляет ее жалеть об Олимпе.

Богиня сначала поселилась в Греции; однако ж не имела в ней храмов. Народы, принявшие ее за любезность ее, поздно заметили свою ошибку и стали подозревать существование новой богини. В обхождении некоторых прелестниц, в блестящих, но неосновательных сочинениях многих софистов ощутительно стало ее влияние. Раздоры, возгоревшиеся между наследниками Александра Македонского; раздоры, наполнившие Грецию ужасом и кровию, отвлекли их внимание и самую богиню принудили искать другого убежища: она переселилась в Рим.

Худо ее приняли в Риме. Изнеженность ее нрава и слишком вольное обращение не полюбили строгим республиканцам. При триумвирах было ей лучше, но немногим: *буйный разврат* столько же противоречил ее свойству, сколько чрезмерно строгие обычаи.

Дикие племена, завоевавшие Рим, изгнали ее из сей столицы вселенной. Здесь история ее становится темною: иные говорят, что, до самого ее возвращения в Европу, странствовала она по Азии и Африке; другие, что она провела это время в уединении, придумывая способы для будущего своего

величия.

Как бы то ни было, но в XVIII веке торжественно явилась она в Италии и во Франции с молодой прелестною дочерью, не уступающею своей матери в непостоянстве, своенравии и проворстве: дочь сия была – Мода. Подобно Юпитеру, отцу Паллады, богиня зачала ее в голове своей и так же счастливо разрешилась от бремени. Народы приняли ее с восторгом. Воздвиглись храмы и воскурились жертвы. Обрадованная усердием галлов, богиня основала свое пребывание между ними.

На берегах Сены, посреди великолепного сада, возвышается столичный храм ее. Витые золотые колонны поддерживают его купол. На барельефах изображены разные двусмысленные аллегии, поныне еще не разгаданные, например: в одном месте представлена она подающею руку Амуру, вместо дурачества, которому грозит пальцем, чтоб оно молчало; в другом – побеждающею богиню красоты; в третьем – наряжающею граций и проч. Многие приняли сии аллегии в выгодном значении для богини, другие совершенно напротив: кто весть, говорили они, какой путеводитель выгоднее для Амура – дурачество увлекало его силою, кокетство завлекает обманом: что лучше? Искусство превышает Природу! Жаль, ежели это правда! Наряженные грации похожи на прелестниц и тому подобное. Внутри храма, в зеркальной, освещенной кенкетами зале, таится непонятная богиня. Мечты блестящие, но почти не имеющие образа (так быст-

ро они переходят из одного в другой), вьются, волнуются перед нею. Мусикийские орудия, отличительные знаки всех искусств, разные игрушки, выдуманные прихотью, небрежно около ее разбросаны. Тут-то проводит она время, примеряя наряды, вымышленные ее дочерью, и приучая лицо свое к разного рода выражениям. В известные дни принимает она своих обожателей и издает свои прорицания; ласковость ее обхождения привлекает каждого; разнообразные дарования, полученные ею от олимпийских ее наставников, заслужили ей уважение людей всякого состояния, всяких понятий, всякого нрава: даже два великие, хотя разнородные, гении последнего времени, Фридрих II и Вольтер не пренебрегали ее советами. Не говорю уже о женщинах, кокетство можно назвать – политикою прекрасного пола.

По прошествии некоторого времени богиня заметила однако ж разительное охлаждение в мужской половине своих поклонников: ужас объял ее сердце; но ум ее, богатый вымыслами, скоро внушил ей способ оживить их усердие. Она удвоила свою приветливость, даже казалась нежною наедине со многими. Нового рода надежда закралась в их сердце и совершенно его взволновала, когда в приемной зале богини увидели посетители несколько новых картин довольно замечательного содержания; на них изображены были некоторые приключения жителей Олимпа, где они являлись довольно благосклонными к бедным смертным: Диана, посещающая Эндимиона; Киприда, ласкающая Адониса, и проч.

Внизу надписано было: *Для любви не существует разницы между смертными и богами.* Хитрость сия удалась богине; охлажденные поклонники превратились в пламенных искателей; и хотя никому еще не сдержала она нежного своего обещания, но все надеются, что она сдержит его некогда, — и храм ее никогда не бывает пуст.

Ученый антикварий, собравший материалы для сей достоверной истории, собрал их прежде Французской революции и, соделавшись жертвою ее, не мог продолжать занимательного труда своего. Если верить слухам, то ужасы возмущения сильно и благотельно подействовали на сердце богини; говорят, что она отреклась от божества своего и даже сама сделалась набожною. Живет уединенно, читает полезные книги и вздыхает о прежних своих заблуждениях. Время покажет, справедливы ли сии слухи и чистосердечно ли ее обращение?